АППИЕВА ДОРОГА

Петр Федоренко. «Лепта». Повесть о художнике Александре Иванове. Издательство «Современник». 1984. 253 стр. 1 руб. 20 коп.

ВЫМОЩЕННАЯ трехтысячелетними плитами времен консульства Аппия Клавдия, эта дорога ведет в Рим. «Сколько прошло по ней людей, желавших познать мир и сделать его лучше...» Был среди них и русский художник Александр Иванов, чье имя не нуждается в эпитетах.

Факт этот в биографии художника известен хорошо, вплоть до точек просчитан, с которых писаны были знаменитые пейзажи Иванова. Да ведь не в факте дело — многие истирали свои подошвы о древние камни, спеша увидеть вечный город искусства. — Аппиевой дорогой стала вся жизнь подвижника во имя идеи прекрасной, но трудно осуществимой. Создать полотно, при взгляде на которое люди становились бы лучше, послужить исправлению мира — эта цель требует и великой веры в искусство, и великого самоотречения. Сему высокому предназначению художника и посвящена книга Петра Федоренко — первое в нашей литературе художественное жизнеописание Александра Иванова.

Писать о личности творца, отдаленной от нас столетьем астрономического времяисчисления и эпохами переворотов в общественном сознании, вкладывать в уста его слова, не запротоколированные строгим документом, возрождать мысли его и чувства — задача невероятно деликатная. Требует она не только обширного знания — от умонастроения людей до размеров обшлагов на мундире, — но и собственного вживания в атмосферу возрождаемого под пером времени. Перо П. Федоренко, рисующее холодный, немилый, но родной Петербург или солнечную, всегда милую сердцу художника, но не родную Италию, официальный дух Академии художеств или жаркие споры на дружеской пирушке живописцев, потому и убедительно, что не стремится к внешней эффектности, красивости. Ярко живописующим его не назовешь, но это едва ли не самая большая похвала писателю. Парадокс? Но вполне объяснимый.

Помимо главного героя, со страниц повести предстает блестящая галерея лиц — современников Александра Иванова. Братья Брюлловы, Орест Кипренский, Александр и Иван Тургеневы, Гоголь, Герцен... Гордость отечественной культуры. Богатейший материал для исследователя... и труднопреодолимый для интерпретатора искус перелицевать историю, во славу себе броско раскрасить фигуры — на то она и беллетристика. Но скучающему в ожидании развлечения читателю не стоит открывать эту книгу — Петр Федоренко выбрал другой путь, более сложный и менее выигрышный, но достойный. В повести почти нет авторского «я», нет любования своим слогом, она написана сдержанно, бережно, с пониманием не только величия Александра Иванова в бытии, но и его скромности, даже незаметности в быту. «Никто не мог меньше и скромнее говорить о себе, нежели он», — вспоминал о живописце Чернышевский. Вот ключ к парадоксу — авторская тактичность.

Композиция повести продумана до строгости символа: «Вдохновение Петербурга», «Замысел», «Труд», «Поиск», «Аппиева дорога». Отсчет пути Александра Иванова идет от последнего года учебы в Академии художеств, от рождения творца, становления личности. Так вступают на вечную дорогу... Много событий произойдет на его глазах — восстание декабристов, революции в Европе и подавление их, смена царей. Еще предстоит найти близких друзей и единомышленников. Уже грядет потеря их. И все же — «художник должен, несмотря ни на что, послужить исправлению мира...». Несмотря на мучительные сомнения, разочарование в себе, отказ от надежд, от веры в утопию. И все же — Аппиева дорога не в Рим ведет, а на родину, в Россию. Здесь обрывается дыхание и здесь продолжается жизнь.

Не историю об италийском затворнике, вздыхателе об ушедшем «золотом» веке человечества, а судьбу русского художника и гражданина читаем мы в повести. И пусть пугался он крови на Сенатской площади, закрывал дверь своей мастерской от шума восставших вслед за Мадзини римлян — сердцем, правдой искусства писал Александр Иванов эпопею своего времени, боль своей страны. Ничто не прошло мимо, все влилось в его полотно. Его молитвой была вера в человека, его страстью была мечта изменить мир.

«Перед ним был... раб с его этюда... Да отчего же этого никто не видит? Отчего они, все эти господа, украшенные кавалериями и звездами, спокойны, если раб существует?» Мы не знаем, думал ли так Александр Иванов в последний день жизни. Но, читая эти строки, не можем не верить автору: думал.

А за годы до этого: «...может быть, нам с вами еще доведется увидеть преображенного человека, который станет жить для общества, будет вносить свою лепту в дело нравственного переворота. А ваша, батюшка, лепта — вот, — Гоголь кивнул на картину...».

Повесть П. Федоренко так и называется — «Лепта».

Наталья ТРОЕПОЛЬСКАЯ